

IN SEARCH OF TOTAL ORDER: SOLIDIFYING BORDERS AND A STABLE IDENTITY

Sergey A. Troitskiy

Herzen State Pedagogical University of Russia; Saint Petersburg State University; Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg, Russia. Email: [sergtroy\[at\]yandex.ru](mailto:sergtroy[at]yandex.ru)

Abstract

The "frozen" borders as a result of the world order established after the Second World War seemed unshakable in Europe and North America, despite the active redrawing of space in other regions. However, the collapse of the dual system of orders in the 1980s and the subsequent active movement of borderlines led to the desire for creating a basis for their fixation. The political will to "stable" the borders coincided with the electoral expectations of stability and order, in this connection, state entities that are not able to oppose a sufficiently stable economic, cultural, and political boundaries to pressure on the borders from outside, in order to preserve the internal social status quo, are forced to create conditions for the preservation of social order, in fact, sacrificing development. The article attempts to explain the "condensing" ("solidifying") borders through the concept of order, which is realized at the mental level in the conservative essentialist worldview, designated in the text as a stable identity. The result of the research was to explain the relationship between the fixation of boundaries in space, the fading of the processes of economic and political development, and the adoption of the conservative model of identity as the most comfortable as an ideal. This allows us to describe many of the processes taking place in public consciousness, and by the presence of one of the outlined elements we can predict the further development of the other two.

Keywords

condensing borders; solidifying borders; stable identity; order; frontier worldviews; identification; the Stranger; the Other; border; boundary

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

В ПОИСКАХ ТОТАЛЬНОГО ПОРЯДКА: ЗАТВЕРДЕВАНИЕ ГРАНИЦ И СТАБИЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Троицкий Сергей Александрович

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; Санкт-Петербургский государственный университет; Социологический институт Российской академии наук – Филиал федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Санкт-Петербург, Россия. Email: [sergtroy\[at\]yandex.ru](mailto:sergtroy[at]yandex.ru)

Аннотация

«Застывшие» границы как результат установившегося после Второй мировой войны миропорядка казались незыблемыми в Европе и Северной Америке, несмотря на активное перекраивание пространства в остальных регионах. Однако распад дуальной системы порядков в 1980-е гг. и последовавшее за этим активное движение пограничных линий привело к стремлению создать основание для их фиксации. Политическая воля к «уплотнению» границ совпала с электоральными ожиданиями стабильности и порядка, в связи с чем государственные образования, не способные противопоставить достаточно устойчивый экономический, культурный, политический заслон для давления на границы извне, для сохранения внутреннего социального статус-кво вынуждены создавать условия для консервации социального порядка, фактически жертвуя развитием. В статье предпринимается попытка объяснить «уплотнение» («затвердевание») границ через концепт порядка, реализующийся на ментальном уровне в консервативном эссециалистском мировоззрении, обозначенном в тексте как стабильная идентичность. Результатом исследования стало объяснение взаимосвязи между фиксацией границ в пространстве, замиранием процессов экономического и политического развития и принятием в качестве идеала консервативной модели идентичности как наиболее комфортной. Это позволяет описать многие процессы, происходящие в общественном сознании, и по наличию одного из намеченных элементов предсказать дальнейшее развитие двух других.

Ключевые слова

затвердевание границ; уплотнение границ; стабильная идентичность; порядок; фронтирное мировоззрение; идентификация; Чужой; Другой; граница; рубеж.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Статья представляет собой результат исследований последних нескольких лет, посвященных связи между способом самопредставления и самоощущения субъекта, с одной стороны, и тем, чем жизненное пространство этого субъекта ограничено. Проблема культурного отчуждения, интересующая нас как форма отрицательной памяти, решается через характеристики повседневности и проживания, поэтому исходной для разворачиваемых рассуждений является метафора порядка во всем множестве ее значений. Мы постарались избежать объяснения устоявшихся терминов современной гуманитаристики, надеясь на определенную степень подготовленности читателя, хотя не устояли против искушения использовать наиболее точные и «сочные» цитаты большого размера. Заключительная, во многом техническая, часть, которая должна бы содержать обобщения, выводы и / или перспективы исследования, не выделена в качестве отдельной главы, а замыкает последнюю содержательную. При описании моделей мы намеренно избегали указаний на конкретного коллективного или индивидуального субъекта, исходя из двух причин: во-первых, потому что имелось в виду несколько различных образцов, а во-вторых, потому что целью было выявление общих универсальных черт всех субъектов, реализующих конкретную модель.

КУЛЬТУРНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ ПРЕДЕЛОВ В ПЕРСПЕКТИВЕ ПОГРАНИЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Противопоставление порядка хаосу характерно для культуры на протяжении всей истории. Появляясь из хаоса, порядок организует все, с чем имеет дело, тем самым возвышая над хаосом. Степень упорядоченности античной вещи определяет и степень ее гармоничности. Наследуя античное представление о порядке, христианство стремится ранжировать вещи по степени совершенства, т.е. близости к Богу, используя идею иерархии, тем самым ограничивая конкуренцию вещей между собой. Идеи порядка как идеи границы – результат христианской трактовки пространства как предела физических возможностей («Крайние же пределы для человеческого чувства суть небо и земля: так как ими с той и другой стороны ограничивается человеческий взор» (Нисский, 1861, с. 20)¹). Однако, представления о границе как

1 См. также, напр. «Ибо нарек крайние пределы существ, а с тем вместе молча указал и на заключающееся между сими пределами. Пределы же разумею по человеческому чувству, которое не простирается и до того, что под землею, и не восходит далее неба [...] Твердь, которая названа небом, есть предел чувственной твари, и за сим пределом следует некая

«пределе протяженного естества, за которым находится естество умопредставленное и неизмеряемое, свободное от свойств, места и протяжения», т.е. обусловленной физическими ограничениями субъекта, дополняются представлением о границе нравственных возможностей («человек отклонился (от закона) и вышел за предназначенные ему пределы» (Василий Великий, 1972, с. 34)), носящих в учении Отцов церкви и в Библии сущностный характер, но обусловленных сосуществованием сотворенных существ между собой. Если в первом понимании субъект поставлен в условия, где его ограниченность преодолеваема с помощью умопредставления, то во втором – границы непреодолеваемы, закрыты, а ограниченность субъекта заставляет его замыкаться внутри этих пределов¹. Обе трактовки развиваются в различных политических и натурфилософских концепциях, но сводятся к дуалистическому пониманию субъекта – как несовершенного (способного к бесконечному совершенствованию), но завершеного (ограниченного в физических телесных возможностях). Идея порядка соотносится с этой идеей физического предела, завершенности «града земного».

Христианская трактовка трансформируется под воздействием понимания ограничений, вызванных плотностью заселения территории (Бартлетт, 2007; Russell, 1972; Biller, 2003; etc.), в политически-территориальное понимание границы, тяготея к «закрытости». Отсюда и форма границ – *фронтир* и *марш*, или *марка* (*March*). Как и «*фронтир*», «*марш* (*марк(a)*)» имел ярко выраженный военный характер. Вместе с тем, термин «*марш* (*марк(a)*)» имел в европейских языках асоциальный оттенок, поскольку также обозначал территорию, управляемую маркизом, «который в силу своего пограничного состояния, как правило, обращал мало внимания на власть короля» (Якушенкова, 2012, с. 12).

Конкуренция субъектов (индивидуальных и коллективных) вызвана невозможностью реализовать свой потенциал полностью, как следствие, прескриптивное ограничение воли, внешнее по отношению к субъекту, часто сводящееся к расхожей фразе «Свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого»², являющейся сокращенной версией статьи 4 «Декларации прав человека и гражданина»

умопредставляемая тварь, в которой нет ни образа, ни величины, ни ограничения местом, ни меры протяжений, ни цвета, ни очертания, ни количества, ни чего либо иного усматриваемого под небом» (Нисский, 1861, с. 12, 25)

- 1 Митрополит Иларион Киевский сводит оба толкования в одну плоскость нормативных ограничений, где закон регламентирует, а благодать «рекомендует» (Иларион Киевский, 1997).
- 2 Ср. христианское представление о конкурентном сосуществовании добра (блага) и зла, где работает тот же принцип предела возможностей и границы действия: «посредством создания контраста зло позволяет благу выделиться более рельефно» (Бычков, 2002, с. 810).

(*Déclaration des Droits de l'Homme et du Citoyen*), принятой в революционной Франции в 1789 г.:

«La liberté consiste à pouvoir faire tout ce qui ne nuit pas à autrui : ainsi, l'exercice des droits naturels de chaque homme n'a de bornes que celles qui assurent aux autres Membres de la Société la jouissance de ces mêmes droits» («Свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами»).

Физические ограничения субъекта, зафиксированные в Декларации, суть развитие представлений, которые так или иначе находили воплощение в различных европейских концепциях ограничения воли (теория суверенитета Ж. Бодена (Bodin, 1955), Вестфальский мир, теория общественного договора и пр.), действия (напр., ограничение прав иностранных купцов (Мосолкина, 2017; Краснова, 2018)) или социальных групп (сословий, цехов и т.п.), хотя проблема ограниченности пространства стояла и прежде, в Средневековье (Краснова, 2018). Фиксация четких границ (коллективных) субъектов служит основой для идентификационных процессов, и хотя географическая детерминанта является далеко не единственной, но в этой статье она нас интересует больше всего.

Несмотря на то, что теория естественного права и философско-методологические установки (Яковлева, 2018) были положены в основу обеих систем прав человека, американской и французской, а французская выстраивалась с учетом принятых к тому времени (1789) американских документов (Маневская, 2000, с. 14–15), американская фиксирует границы государства по отношению к субъекту, а французская исходит из положения о взаимном ограничении субъектов относительно друг друга¹. На наш взгляд в основе различий между этими двумя трактовками лежат, в первую очередь, различия в физически более тесной конкуренции за пространство в Старом Свете по сравнению с Новым. Территориальная ограниченность в реализации своих возможностей косвенно подтверждается тем, что в условиях рассеянного проживания субъектов толкование порядка, пределов возможностей и пространственных границ существует в виде фронта в значении Тернера (в отличие от первоначального значения как *линии* фронта). «Американский фронт резко отличается от европейского, представляюще-

1 Эти различия соответствуют двум способам толкования социального пространства и процесса идентификации: американский – различие Я и не-Я, французский – различие между Я и Другим (другим Я). Обе трактовки были проработаны в немецкой классической философии у Фихте и Гегеля соответственно.

го собой укрепленные пограничные линии, проходящие через густонаселенные местности. Наиболее важной чертой американского фронта является то, что он находится на ближнем к нам крае свободных земель» (Тернер, 2009, с. 14). «Открытость» границ предполагала дальнейшее продвижение, т.е. незавершенность процесса территориальной (а значит, и культурной) экспансии. Подобное фронтирное представление о пространстве можно увидеть и у колонизаторов, которые принадлежали к европейской культуре, где господствовала «закрытая» трактовка границ, границ как линейных ограничений (Акимов, 2010).

Американский или сибирский фронтир предполагали безграничность возможного движения вглубь «ничьей» территории, в то время как европейская история революционной Франции показывает, что с необходимостью французы сталкиваются с конкурентами, равными себе – по крайней мере, тоже христианами, – поэтому нуждаются в четком делении пространства, понимании линии, где кончается свое и начинается чужое. Революция во Франции утверждает такое деление через войны со старыми монархиями, представляя собой осажденную крепость республиканства, а «солдаты, будучи самыми верными приверженцами революции, выступали ее миссионерами в других странах» (Форрест, 1998, с. 169), подтверждая значение других государств как равных противников, конкурентов, мешающих коллективному субъекту Франции реализовывать свои возможности.

Помимо очевидных недостатков, как то кардинальное противопоставление *здесь* и *там* (*у нас* и *у них*), мгновенное наступление события преступления черты, и пр., линейная трактовка границ имела и преимущество – границу можно в любой момент перекрыть, зафиксировать, заградить под благовидным предлогом (Amilhat-Szary, 2020). В этом случае устанавливается искомый порядок, в котором все и вся на своем месте. Такая фиксация границ приобрела в литературе определение «затвердевание границ» («уплотнение границ») (Дюллен, 2019). Параллельно с ней и как ее побочный продукт возникает ряд политических и культурных феноменов, одним из которых является стабилизация идентичности. Порядок в этом случае приобретает характер статики, противоположной хаосу как движению элементов.

ГРАНИЦА КАК МЕДИЦИНСКИЙ ФАКТ

Граница достаточно часто описывается в биологических или даже медицинских метафорах¹ «тело» Европы, дипломатический или

1 «Словосочетание, состоящее из элемента (слова), принадлежащего медицинскому дискурсу, и лексемы из литературного языка» (Зубкова, 2010, с. 141).

культурный «иммунитет», «инъекция» свободы, «анатомия» границ, «нарушение финансового кровообращения», финансовые «вливания», политический «паралич», «абберация» (национального) сознания, антиципация и др. (Zenderowski, 2003; Bialasiewicz, 2009; Абрамов, 2019; Ноу, 2021), что свидетельствует о специфическом способе мышления о границе и пространстве, а также о представлении о том, что культурный дискурс и науки о культуре тесно связаны, если не мыслятся как продолжение биологического дискурса и естественных наук. Неудивительно в этом отношении использование метафор «затвердевание» или «уплотнение» для описания процессов полного ограничения трансграничной активности по идеологическим соображениям как развитие внутригосударственной политики. Однако «уплотнение», которое в медицинской практике соотносится в первую очередь с опухолями, во французском оригинале книги Сабин Дюллен совершенно лишено такого смысла, поскольку там фигурирует совсем не «denses», используемое для описания этиологии опухоли на французском языке, а слово «épaisse», образованное от «épais», имеющее значение, скорее, «утолщение, увеличение в размерах», которое можно перевести и как «уплотнение», но стоит иметь в виду специфичность этого уплотнения. Дополнительный метафорический потенциал названию книги французской исследовательницы сообщает то, что слово «épais» используется для описания одежды (плотный свитер, толстая куртка), позволяя сопоставить границу с одеждой. В этой работе мы придерживаемся значения уплотнения в медицинском значении («denses») в большей степени, чем в значении увеличения в размерах и утолщения, хотя это последнее, собственно то, в каком использует С. Дюллен, и подразумевается как дополнительное. Поэтому будем использовать слово «затвердевание» даже в том случае, когда ссылаемся на французскую ученую. Акцент стоит сделать на то, что оба термина – «затвердевание» и «уплотнение» – образованы от глаголов несовершенного вида, поскольку процесс(ы), которые они описывают, не имеют точки завершения (идеального состояния).

В этом контексте раковые метафоры суть развитие установок о границах как искусственном, а не естественном установлении, а о пространстве – как не имеющем границ, т.е. установок, противоречащих тем, из которых исходят общества и государства, стремящиеся к ограничению. В его основе лежит эссенциалистский подход, на котором основана абсолютизация идентичности в культурных исследованиях (Zenderowski, 2003). Подход, предполагающий неизменяемую (детерминированную географическими или физиологическими факторами) сущность (ментальность) в основе представления о народе как о еди-

ном целом, активно развиваемый в позднем Просвещении и романтизме, но берущий свое начало еще раньше: например, древнегреческий Зевс был защитником границ и иностранцев. Однако давно изменившиеся политико-географические условия не отразились в политической и культурной практике, и «позиция Зевса, состоящая в том, что границы не могут быть изменены, а порядок должен пребывать неизменным, присутствует в современном международном праве» (Боянич, 2019, с. 99).

Современный эссенциализм в трактовке границ основывается на античном представлении, но совершенно с ним не совпадает. В отличие от «затвердевания» как основного принципа интерпретации идентичности, античные представления имели процессуальный характер: «Пространство – это что-то освобожденное, допущенное в границу, греческого *περας*. Граница – это не то, где что-то прекращается, но, как определяли ее греки, то, где что-либо начинает свою сущность. Отсюда понятие *ορίσμός*, что означает границу, горизонт» (Хайдеггер, 2020, с. 166–167). Процесс разворачивания раскрывается как процесс самосовершенствования, наиболее явно эта метафизика границ воплощается в отношении человека, который должен совершенствовать себя, не разделяя на внешнее (тело как границу) и внутреннее, не отдавая чему-то предпочтение. Процесс самосовершенствования не предполагает какой-то окончательной завершенной формы.

Однако в современном эссенциализме, основанном на просвещенческой универсализации нормы, гармония и порядок, как высшая ценность развития, исключают любую процессуальность и состоят в сохранении существующего положения, сохранении статики культуры, сохранении локальности. Любая трансграничная активность воспринимается как угроза порядку и в смысле «упорядоченности», и в смысле «идеологической структуры», как проявление хаоса, происки врагов. А любое инородное тело в условиях затвердевших границ должно сохранять свою инородность, не быть растворенным во внутригосударственной человеческой массе:

«Если я защищаю иностранцев, это означает, что иностранцы всегда должны оставаться иностранцами (я не позволяю им становиться такими же, как граждане, как те, кто предлагает им гостеприимство, я не допускаю превращения иностранцев или беженцев в тех, кто так же имеет возможность предложить свое гостеприимство у меня дома)» (Боянич, 2019, с. 98).¹

1 Термин «диаспора» в современных социальных науках позволяет обозначить всех иностранцев, поскольку является «интерпретирующей рамкой, ссылающейся на экономические, политические и культурные аспекты современных форм миграции [мигрант, иммигрант, экспатриант, беженец, гастарбайтер, изгнанник]» (Brah, 1996, с. 620).

Несмотря на то, что к случаям трансграничной активности относятся как добровольные (экономическая выгода; культурные установки; туристическое «любопытство»; языковой, культурный или физический комфорт; проживание членов семьи по разные стороны границы), так и связанные с государственным насилием или произволом властей (угроза жизни или правам; насильственная высылка), последние расцениваются в ситуации затвердевания (уплотнения) границ как наиболее тяжкие¹. Именно эссенциалистская трактовка «чуждости» тех, по отношению к кому государство проявляет подобное отношение, не позволяет представить возможность «исправления» и дает основания возложить вину за это на них самих. «Чуждые» элементы интерпретируются как инородные, вносящие хаос. Медицинский дискурс позволяет наиболее точно передать эссенциалистские установки относительно государства в значении, акцентирующем границы (тело – *corpus*), иностранцев в лице беженцев, мигрантов, переселенцев (инородное тело – *corpus alienum*).

ПРОБЛЕМА «ЗАТВЕРДЕВШЕЙ» ГРАНИЦЫ

Эссенциалистское представление о стабильности как застывшем состоянии тела не предполагает каких-либо трансграничных процессов. Термин, который использует Сабин Дюллен для характеристики процессов, происходящих на границах СССР в период между мировыми войнами, «уплотнение границ» (Дюллен, 2019), кажется очень точным. Несмотря на то, что задача пограничной политики советского государства была направлена на формирование непроницаемых границ, защищающих от внешнего врага, эта непроницаемость постепенно приобретает характер двухстороннего фильтра, позволяющего консервировать порядок внутри. Установленная в конце НЭПа «стабильность» не предполагала внешних экономических, интеллектуальных и прочих «инъекций», а те, что происходили, четко пропагандистски переинтерпретировались, чтобы быть включенными в идеологический контекст сложившегося порядка, а через короткий промежуток времени (когда информация о них теряла свою новостную свежесть) быть вытесненными на периферию социальной памяти. Таким образом, граница как фильтр выступала таковой для «ценностей», соот-

1 Например, позиция советского правительства в отношении русских интеллектуалов, высланных из страны на протяжении 1922 года (Философский пароход), сводилась к тому, что чуждые элементы заслуживают смерти, но формальных оснований для расстрела нет, поэтому их необходимо выслать насильно, для чего в новой редакции уголовного кодекса были уравнены расстрел и высылка. В печати развернулась травля высылаемых, поскольку большевики относились к «чуждости» как к сущностному содержанию личности, которое нельзя исправить (см. Макаров & Христофоров, 2005; Артизов, 2008; Малинов & Троицкий, 2013; и др.)

ветственно пограничная территория рассматривалась как место ожесточенного конфликта ценностей, что и делает границу максимально непроницаемой в обе стороны, поскольку насаждение разных порядков происходит с двух сторон границы, по крайней мере, такие ожидания от Другого распространяются из центра порядка, а Другой автоматически воспринимается как Чужой или даже враг. В качестве примеров можно привести отношение Европы в период Средневековья и Нового времени к мусульманскому Востоку (Crowley, 2005; Cliff, 2011; Johnson, 1997; Mühling, 2018); католического мира к протестантскому в период религиозных конфликтов (Wilson, 2011; Phillips, 2010); Францию после французской революции (Rothenberg, 1988; Schneid, 2011); оба лагеря в ходе Холодной войны (Graebner, 1963) и т.п. При этом вся политика государства подчиняется ценностной рациональности (Вебер, 1990) и ориентирована на источник этих ценностей – центр защищаемого порядка.

Как показывает С. Дюллен, плотность границы по всей длине была далеко не однородной (Дюллен, 2019, с. 18–21). Наибольшей плотности она достигала именно там, где ожидания от Другого, находящегося по ту сторону, были наиболее напряженными, где угроза с той стороны границы выглядела наиболее сильной, а ключевые элементы порядков с той и с этой сторон границы не подвергались культурной конвертации или трансферу. В таком месте (на протяжении границы с соответствующим государством-представителем враждебного порядка) граница приобретала характер «железной стены». Плотность, по всей видимости, зависела от степени возможного влияния (распространения собственного порядка) на соседнюю территорию. Однако характер государства определяли не эти мягкие границы, а, наоборот, самые плотные, самые закрытые, поскольку необходимость контроля над ними определяла внутреннюю политику государства в целом. «Затвердевание» и централизация всех каналов власти выражается в тотальном контроле государства над субъектами (обществом), монополии на власть и действие, в результате которой политика интерпретируется как совокупность государственных чиновников, что делает ее синонимичной самой власти. В отношении границ это проявляется в запретительной позиции государства как на перемещение товаров, так и на передвижение людей через границу: государство криминализирует трансграничную активность (Дюллен, 2019, с. 251–319), а то, что не подвергается запрету, подчиняется тотальному контролю из центра.

Граница существует как комплекс установок, укорененных в первую очередь в мировоззрении субъектов (*психические границы*, по Г. Зиммелю), а не в политических документах или природных прегра-

дах, которые без *принятия* субъектами не могут быть источниками существования государственных границ. В отличие от естественных, о которых пишет Фихте (Фихте, 1993)¹ и к которым, по его мнению, должно стремиться любое государство, политические (психические) границы, добровольно установленные пограничными государствами, содержат в себе в латентной форме обе стратегии социального взаимодействия, нападение и оборону. Их из-за видимой неактивности Г. Зиммель назвал «*индифферентными*» (*Indifferenzzustand von Defensive und Offensive*), отметив, что они не просто пассивно сопротивляются, но оказываются источником активной пульсации, обусловленной возможностью передвижения самих границ. Возможность передвижения («сдвиги, расширения, втягивания, слияния») границ на одну или другую территорию сопряжен с взаимным давлением с двух сторон границы. В случае, когда давление ослабевает, граница изменяется» (Simmel, 1908, s. 621–622)).

Трактовка, предложенная Г. Зиммелем, позволяет объяснить сочетание, казалось бы, несочетаемых элементов в пограничной политике (над)государственных образований с затвердевшими границами: экспансивную стратегию внешней политики и, в то же время, стратегию стабильной границы. В отношении СССР или Германии 1930-х гг. часто можно слышать мнение, что одно делалось, а другое только декларировалось (в пропаганде), однако, как показывает опыт, обе стратегии не противоречат друг другу, а составляют единый комплекс, реализующий идею «плотной» границы, которая, к слову, принималась и реализовывалась основными игроками внешней политики, например, на стыке XIX–XX веков, период, названный в литературе империализмом.

По всей видимости, экспансивность внешней политики заложена в само эссенциалистское понимание порядка. Когда государство, стремясь установить стабильность и однородность общественной среды, оказывается в ситуации ожидания внешней агрессии, его задача – снятие угрозы центру. Это можно сделать, только если отодвинуть границу на территорию, которая интерпретируется как буфер между двумя порядками, внутренним и внешним, чтобы распространить свой порядок на нее, окончательно включив территорию в сферу его действия. Подобное распространение сопровождается идеологической работой, которая фиксирует новую границу в сознании присоединенного населения, полицейскими мероприятиями по зачистке от «инородных

1 Позиция Фихте основывается на теории естественного права, сильно модифицированной. Следы ее можно увидеть в трактовке природных ограничений как идеальных естественных границ, терминологии и прочем (см. также Боянич, 2019).

элементов» и мерами по стабилизации. Таким образом, можно выделить три состояния границы в процессе ее затвердевания, процессе, который может быть бесконечным, если нет сдерживающих внешних факторов.

На первом этапе, когда имеется плотная граница, внешняя приграничная территория (территория соседнего государства) воспринимается как фронтальная («территория встречи цивилизации и варварства»), т.е. открытая для распространения собственного порядка и отодвигания потенциальной линии фронта дальше от центра. Этот этап сопровождается активной пропагандистской работой по оформлению идентификационной модели, «исторически» включающей в себя население и территорию, на которую направлена активность. Этот этап не предполагает военное вмешательство и захват территории.

На втором этапе территория переинтерпретируется из «бывшей своей» (исконные, исторические) в территорию-пограничье, т.е. зоны конфликта «ценностей». Прежняя граница демонтируется, а точнее размазывается на все интересующее пространство. Идеология меняет свое содержание, в ее основе лежит мысль о защите ценностей и обижаемого населения, интерпретируемого как свое. На этом этапе вооруженный конфликт допустим, если существует сопротивление со стороны соседнего государства, территория которого осваивается.

Последний этап – закрепление линейной границы (линии возможного фронта) по внешним очертаниям бывшего пограничья. Стремительное изменение государственных границ чревато для государств ослаблением военных возможностей по их защите, контроля над трансграничной активностью мирного населения, которая, как уже упоминалось выше, трактуется как угроза для установленного порядка. Таким образом, осуществление желания по стабилизации порядка фактически приводит к обратному эффекту, к тотальной неуверенности в функциональности границ. Показательным нам кажется ситуация с советскими границами в 1930-е годы, когда неуверенность в границах, вызванная необходимостью стабилизировать порядок внутри государства, порождает неуверенность у руководства страны. Известное письмо Сталина Кагановичу от 11 августа 1932 года прямо демонстрирует ее:

«Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, Украину можем потерять. Имейте в виду, что Пилсудский не дремлет, и его агентура на Украине во много раз сильнее, чем думает Реденс или Кошиор. Имейте также в виду, что в Украинской компартии (500 тысяч членов, хе-хе) обретается немало (да, немало!) гнилых элементов, сознательных и бессознательных петлюровцев, наконец – прямых агентов Пилсуд-

ского. Как только дела станут хуже, эти элементы не замедлят открыть фронт внутри (и вне) партии, против партии. Самое плохое – это то, что украинская верхушка не видит этих опасностей. [...] хозяйственное и политическое укрепление Украины, в первую очередь – ее приграничных районов и т.п., повторяю – мы можем потерять Украину» (Сталин, 2004, с. 572).

Неуверенность в границах распространяется на систему межсубъектных отношений и выражается в тотальной подозрительности, когда каждый актор рассматривается как потенциальный враг, внутренний или внешний, а народы, республики внутри государства – как пространство измены, результатом чего оказываются депортация, усиление контроля и репрессий. Вместе с тем, затвердевание границ, стабилизация порядка, расширение территории государства за счет отодвигания границ – по крайней мере, на втором и третьем этапах – влекут за собой установления чрезвычайного режима управления не только на новых территориях, но и на старых, что фактически означает расширение пространства буферной (приграничной) зоны до всей территории страны, а не только на новых территориях. Для эффективного управления на всей территории государства ведется активная идеологическая работа по установлению единой модели политической (государственной) идентичности, ориентирующейся на идеальный образ настоящего гражданина, это то, что можно обозначить как идеологию стабильной коллективной идентичности. Стабильная идентичность – это застывшая идеальная форма, норма, которая определяет субъектов на предмет соответствия, а значит, позволяет делить всех на своих и чужих. Она является основой для социальной, экономической, территориальной и прочих форм стратификации, а также идеальным воплощением формы и содержания устанавливаемого (установившегося) порядка.

ПРОБЛЕМА СТАБИЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Государственное образование с затвердевшей границей, особенно если речь идет о различных порядках, построенных на противопоставлении ценностей, ориентировано на центр и его сохранение, поэтому рано или поздно перейдет в режим повышенной готовности, который характерен для буферной зоны или, как называет этот режим Часлав Копривица, «приграничья». *Приграничники*, жители *приграничья* (не путать с пограничниками, состоящими на государственной службе и являющимися частью регулярной армии) вынуждены находиться в этом состоянии мобилизации постоянно, у них формируется комплекс

отличительных психологических характеристик, который условно можно обозначить как *невроз приграничника*.

«Приграничником человека делает само проживание в области соприкосновения двух культурных, территориальных, друг с другом враждующих инаковостей, что создает особое качество коллективного существования, главной чертой которой является повышенное чувство временности – прежде всего временности мира, потому что война на такой границе, в принципе, независимо от эвентуальных, текущих, вступивших в силу контрактов и соглашений, может вспыхнуть, вернее, возобновиться, в любое время, потому что война на такой границе, в принципе, независимо от эвентуальных, вступивших в силу контрактов и соглашений, может вспыхнуть, вернее, возобновиться, в любое время [...] глубокое, иногда на протяжении веков «построенное» взаимное недоверие, в конечном итоге, становится сильнее любого другого правового регулирования. [...] в рассматриваемом виде границы этого нет, а в устройстве соответствующего (при)граничного режима заранее заложена продолжительная временность перемирия» (Копривица, 2019, с. 263).

В качестве примера можно привести жителей приграничных территорий между империями, таких как казаки или черногорцы. Их повседневность подчинена постоянной готовности выступить на защиту государственных территории и/или собственных домов. Однако подобный «синдром приграничника» (Ч. Копривица) может быть распространён на все государство. Тогда длительное пребывание в состоянии невроза приграничника выражается в изменении «ментальных» черт населения.

Для сохранения мобилизации просто политической воли недостаточно, она с необходимостью должна дополняться стабилизацией процессов и стабилизацией образов, стереотипизацией восприятия мира, а также идеологической подпиткой, построенной не на солидарности, а на сущностном единстве всех членов сообщества, т.е. сформировать идентитарную модель, которая могла бы быть воспринята и поддержана подавляющим большинством.

«Парадокс, однако, заключается в том, что для того, чтобы предложить хотя бы видимость уверенности и тем самым сыграть свою целительную роль, идентичность должна создать ложное представление о своём происхождении, должна отрицать, что она всего лишь подделка и более всего нуждается в появлении фантома того сообщества, на смену которому она якобы приходит. Идентичность пускает корни на кладбище сообществ, но процветает благодаря своему обещанию оживить мертвецов. [...] якобы разделяемые, «общинные» идентичности являются побочным продуктом лихорадочной разметки рубежей. Лишь после того, как вкапываются пограничные столбы, возникают мифы об их старинности,

а молодые культурно-политические истоки идентичности — маскироваться рассказами об их долгой истории» (Бауман, 2005, с. 190).

И хотелось бы добавить, что и/или исторической травме, которая требует возмещений.

Удобная с точки зрения достижения тактических целей в политике, благодаря формированию комплекса неизменяемых культурных образцов, мемориально-травматической инфраструктуры, неписанных нормативных установок в дополнение к законодательной базе и прочего, стабильная модель идентичности тем не менее имеет целый ряд проблемных побочных эффектов, которые оказываются стратегически проигрышными. Ориентированность системы на воспроизводство культурных прецедентов, лежащая в основании архаических и традиционных сообществ, герметичных в отношении производства новых норм и образцов, позволяет этим сообществам игнорировать внешние вызовы¹, вступая в коммуникацию с ними с помощью ритуалов. Однако в условиях глобального мира функционирование сообщества зависит от других сообществ, любые внешние вызовы для одного оказывают влияние в среднесрочной или долгосрочной перспективе на все другие, что вынуждает их «держать руку на пульсе», мгновенно реагировать на малейшие колебания среды и изменения условий.

Издержки модели стабильной идентичности приводят к перегреву системы, административным сбоям и прочим проблемам, способным разрушить систему. Хотя из-за своей ориентации на консервацию культурных установок эта модель может быть использована для временного сохранения и поддержания разрушающейся структуры, поскольку идеология стабильности у-порядочивает и «фундирует» отсутствующую форму, заменяя собой функциональную вариативность системы, ориентированной на изменчивость среды и готовой на маневр в случае внешних «вызовов». Все естественные изменения среды интерпретируются носителями стабильной идентичности как агрессивные воздействия, поскольку угрожают порядку, очень комфортному, не требующему от субъектов ни развития, ни рисков, ни связанной с ними ответственности, предполагающему сохранение социальных ролей и отношений, что делает эту модель предпочтительной для обывателя² и удобной для управления обывателем.

1 «Вызов» можно определить как совокупность обстоятельств, не обязательно имеющих угрожающий характер, но, безусловно, требующих реагировать на них. Иными словами, вызов тесно связан с вероятностью конкретной и непосредственной угрозы нанесения ущерба или помех существованию или развитию данного объекта, субъекта или процесса» (Цыганков, 2016, с. 79–80).

2 В данном случае никакого негативного смысла в слово «обыватель» не закладывается, оно используется здесь для обозначения индифферентной управляемой силы, составляющей

Однако за кажущейся мировоззренческой простотой данной модели, сводящейся достаточно часто к иерархии (социальной, экономической, интеллектуальной, культурной, аксиологической и т.д.) оказывается сложность, вызванная изменчивостью среды. (Ф)акторы, как внешние, так и внутренние, обеспечивающие контекстуальность локальной системы и, следовательно, ее жизнеспособность, не учитываются в эссенциалистском представлении об идеальном мире, но оказывают огромное влияние на саму систему. В качестве решения проблемы представляются два пути – игнорирование идеологии стабильной идентичности и перестраивание системы через увеличение ее чувствительности к изменениям среды либо игнорирование колебаний и изменчивости, сохранение локальной стабильности и подстраивание механизмов системы в соответствии с идеологической моделью. Последний вариант предполагает «ручное» управление, а следовательно – великую вероятность ошибок и сбоев, вызванных субъективными ограничениями того, кто принимает решения (человеческий фактор).

Эти ограничения, а также ограничения, вызванные иерархизированностью оперативных процессов и алгоритмов принятия решений (длительность и искажения содержания в процессе администрирования, субъектная демотивация участия, концентрация ответственности в центре управления всеми процессами и т.п.), приводят к увеличению внутренних ошибок и сбоев в работе, «перегреву» системы, что отражается на ее функциональной жизнеспособности. В результате поддержание модели стабильной идентичности оказывается невероятно затратным и делает систему неконкурентоспособной, крайне хрупкой и «ломкой» в случае внешних воздействий среды, а тем более в случае прямого внешнего вмешательства (например, военной агрессии).

Заложенная в идеологии стабильной идентичности иерархичность (централизованность) процессов порождает еще одну издержку. Отсутствие социальной, культурной и прочей мобильности и закрепление места в иерархии нуждается в укреплении и поддержании страт, что приводит к локальному внутреннему воспроизведению общей модели построения и внутренних отношений между элементами на уровне микросообществ, начиная от семьи. Агрессия по отношению к Другому, обусловленная ожиданием чужой агрессии («синдром приграничника») и встроена в саму идентификационную модель, реализуется как доминирующая форма коммуникации на всех уровнях иерархии. Кроме того, для институализации иерархии необходимы «сильные» (об)основание разделенности, четкие границы между уровнями иерархии (класс, нация, национальность, пол, возраст, уровень

арифметическое большинство.

образования, доход, происхождение и много других), все они в этой модели абсолютизируются как сущностные характеристики, не предполагающие переход в другую страту. Возникают твердые границы между стратами с противопоставлением всех сторон. В результате невозможна трансгенерационность, поскольку поколения противопоставлены друг другу, что не предполагает передачи ценностей, ее заменяет культивируемая формальными структурами (государством) историческая память с установленными культурными нормами и образцами. Поколения трактуются как неизменная сущность, выявляемая в контрасте с другими поколениями, переход из поколения в поколение в результате старения субъекта происходит как скачок, а не плавный переход. Пол (термин «гендер» оказывается неактуальным для данной модели) трактуется стабильной идентичностью гетеронормативно, т.е. как сугубо физическая (природная) принадлежность, не предполагающая перехода, противоположная другой (Weiss, 2001). Неудивительно, что переход из одной страты в другую (идентитарная мобильность) рассматривается негативно, а субъекты, совершающие подобный переход, – как инородные (чуждые) элементы, маргиналы.

Абсолютизация характеристик сопровождается тем, что принадлежность к конкретной страте воспринимается как совокупность особенностей мышления¹, что приводит к необоснованным ожиданиям и эпистемологической ошибке, которую можно обозначить как «понятое сознание». Понятое сознание выражается в иллюзии, что мысли, переживания, чувства, логические схемы другого человека являются очевидными, понятными, легко реконструируемыми, а значит, поведение и желания другого человека легко предсказуемы. Эта ошибка проявляется в форме презумпции, которая (пред)полагается в основание для построения логических суждений и поведенческих стратегий. Понятое сознание функционально вписано в политику как систему отношений между акторами. Политические системы, построенные на свободной конкуренции субъектов (горизонтально ориентированные политические структуры), полагают понятое сознание как переменную, и содержание данной презумпции может смещаться (изменяться). В то время как политические системы, ориентирующиеся на вертикальную структуру отношений, склонны к фиксации (идеализации) субъектности, к стабилизации идентичности, а потому понятое сознание выступает здесь как постоянная форма и содержание, как модель, в соответствии с которой необходимо менять самого субъекта.

Стабилизация идентичности, т.е. установление модели стабильной идентичности в качестве доминирующей, как правило, сопрово-

1 Ср. «партийность философии» (Жилин, 2016).

ждается пропагандой, ожиданием и обещанием (навязыванием) порядка как формы существования системы, где все регламентировано, установлено, неизменно, очевидно и сводится к биполярному представлению об окружающем мире. При этом биполярность детерминирована моралью. Навязывание порядка, как идеологический шаблон, может быть актуализировано в силу нескольких причин, таких как экономическая нестабильность, внутрикультурный конфликт (неснятый конфликт с отложенным решением), нестабильность политики и идеологии (например, неграмотные реформы), отсутствие доверия к власти (взаимное недоверие властных институтов и гражданского общества), выстроенная система четкого деления полномочий (Центр-периферия, властная вертикаль), но все эти причины так или иначе встроены в саму модель как побочный эффект ее самой. Другими словами, если по какой-то (каким-то) причинам процесс стабилизации идентичности запущен, то он будет продуцировать все эти причины как факторы дальнейшей стабилизации.

В качестве характерных черт, маркирующих стабильную идентичность, можно отметить на субъектном уровне буквальное понимание различных языковых игр. Так, например, пародия воспринимается буквально, т.е. работает для субъекта как стилизация¹, как прямое высказывание, соотносящееся с «реальным» содержанием (обращается к «реальной» вещи, а не к самому этому прямому высказыванию). Такая подмена в процессе интерпретации пародии является следствием разрозненности социальных и культурных «опытов», «норм» социальных групп внутри культуры. Другим маркером стабильной идентичности является застывание в качестве сущностных характеристик результатов (юмористической) фольклоризации значимого Другого, по сути, реализованной всего лишь в виде случайно сложившегося вписанного в контекст риторического тропа.

Фольклоризация этнического Другого (Чужого) (Белова, 2005), один из способов освоения и принятия факта его присутствия и его отличий, механизм «освоения» Другого (непонятное, чуждое) заключается в определении его через создание упрощенного образа, акцентирование на (мнимых) отличительных чертах, в то время как все остальные свойства отходят на второй план, теряют значение ('бульбаши', 'хохол' и т.п.). Несмотря на то, что в основе фольклоризации лежит упрощение, этот почти автоматический механизм используется людьми всех без исключения социальных групп, независимо от рода деятельности, уровня образования и дохода, поскольку «концепт "чужого" яв-

1 Различия между пародией и стилизацией были подмечены М.М. Бахтиным и Ю.Н. Тыняновым (Тынянов, 1977, с. 201; Бахтин, 2002, с. 207–209).

ляется неперенным условием для формирования целостной картины мира и одним из основных классификаторов «самоидентификации» (Белова, 2005, с. 8). Однако в условиях стабильной идентичности, когда Другой радикализируется и воспринимается как источник угрозы, фольклорный сложившийся образ используется в пропаганде, культурный стереотип трансформируется в предрассудок, т.е. отрицательные или уничижительные характеристики в отношении к конкретному (коллективному или индивидуальному) субъекту «затвердевают» и становятся основанием для политических решений.

Описанная модель стабильной идентичности, конечно, является идеальным типом в терминологии М. Вебера со своими упрощениями, свойственными любой генерализации. Наша задача состояла в том, чтобы избежать описания конкретных кейсов, а выявить общие для них всех характеристики. В этом смысле под частичное описание стабильной идентичности могут быть подогнаны практически все имеющиеся сообщества, но нам кажется важным обозначить стремление к полной реализации этой модели как тенденцию, к которой склонны политические режимы, и показать непосредственную взаимозависимость стабильной (затвердевшей) границы и стабильной идентичности.

Произошедшие с момента падения «железного занавеса» изменения, в первую очередь, в сфере коммуникации, привели к построению так называемого «глобального мира», в котором полностью прервать трансграничную активность достаточно сложно, хотя установку на это и делает «правый поворот» (Ferguson & Rogers, 1986; Berman, 1994; Jones, 1989; Sharova, 2016) в политике, социальных науках, возвращая от процессуального понимания идентификации (как постоянного процесса) к эссенциалистскому, культур-этимологически основанному на христианском провиденциализме. В этом случае затвердевание границ оказывается реализацией идеологии времен меркантилизма в экономике и романтического национализма – в политике.

НАЗАД К ФРОНТИРУ? ОЧЕНЬ ДЛИННОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Затвердевшие» границы и соответствующая им модель стабильной идентичности, как может показаться, противоположны фронтам и фронтальному мировоззрению, основание для такого мнения дал сам Ф. Тернер, противопоставив европейские и американские границы (Тернер, 2009, с. 14). Идеализация фронта в работах Тернера давно стала объектом критики¹ за одномерность модели, но тем не менее во-

1 Обзор ранних критических замечаний в отношении Тернера был дан Биллингтоном (Billington, 1973, pp. 361, 450, 451).

шла в культуру на уровне обыденного сознания. Открытость и свобода американца, как нового человека (Billington, 1958), является устоявшимся культурным мифом¹, активно воспроизводимым в популярной культуре (Stoeltje, 1987; Slotkin, 1992; Etulain, 1999; Nelson, 2015; Heyne, 1992), несмотря на то, что трактовка стратегии американского фронтального освоения земель подверглась переинтерпретации и под влиянием различных освободительных дискурсов трансформировалась в захватническую колониальную практику белого человека, проявления которой можно обнаружить на протяжении всей истории США (Jones, 2021; Slotkin, 1973; Murdoch, 2001; Bold, 2013). Теория фронта как объяснительная модель была востребована, в первую очередь потому, что давала возможность разобраться с современностью, а не с прошлым (Slotkin, 1992), объяснить различия между ними и нами, обосновать векторы внешней политики и, например, противостояние коммунистам в период холодной войны. Однако именно благодаря актуальности и эпистемологическому потенциалу, позволяющему интерпретировать проблемы современности в каждый конкретный момент истории, а также в силу влиятельности американской модели человека, укорененной в теории фронта и географической детерминации, для «условной» Западной Европы, фронтальная теория оказывается, пожалуй, самой влиятельной политической идеологией. Фронт тогда определяется, благодаря отстраиванию от затвердевшей границы, как положительный опыт от негативного. Учитывая назначение теории (идеологическое), все негативные аспекты интерпретируются как малозначимые издержки. В современных условиях говорить о самостоятельном существовании этой теории вне идеологии не приходится, но содержание ее представляется очень привлекательным для субъекта, хотя и таит в себе отказ от комфортной определенности стабильной идентичности, идентичности как идеала, раз и навсегда достигнутого.

«Во-первых, категоризация идентичности, даже если она закреплена в уродливых типологиях процессами колонизации или формирования государства, всегда полна напряженности и противоречий.

1 «Мифы – это истории, почерпнутые из истории общества, которые благодаря постоянному использованию приобрели способность символизировать идеологию этого общества и драматизировать его моральное сознание – со всеми сложностями и противоречиями, которые может содержать сознание. Со временем, благодаря частым пересказам и развертыванию в качестве источника интерпретирующих метафор, оригинальная мифическая история становится все более условной и абстрактной, пока не сводится к глубоко закодированному и резонансному набору символов, “иконки”, “ключевых слов” или исторических источников. В этой форме миф становится основной составляющей языкового значения и процессов как личностного, так и социального “запоминания”» (Slotkin, 1992, p. 5).

Во-вторых, обсуждение онтологического различия является основополагающим для того, что значит быть человеком. Мы не можем просто надеяться на то, что такие переговоры будут завершены, и отказываться от таких категорий самобытности, как нация, этническая принадлежность, религия и племя. Проблема не столько в этих категориях, сколько в способах согласования, инструментализации и встраивания различий в типологии иерархического статуса. Обсуждение условий идентичности через категории различий имеет основополагающее значение для вопросов власти, смысла, насилия и творческой социальной практики.

В-третьих, хотя процессы категоризации являются частью человеческого состояния, современные процессы типологизации слишком часто служат восстановлению и деструктивному искажению старых многослойных форм идентичности. Это источник такой разнообразной практики, как расизм, шовинизм и геноцид. Иногда напряженность между онтологическими образованиями может быть положительной, но слишком часто инструментальное использование этих напряжений в современном мире привело к агрессивному насилию и оборонительному хаосу. Под всеми этими аргументами скрывается методологическое положение о том, что для того, чтобы преодолеть либо описание "столкновения культур", либо анализ "потоков различий", полезно разработать системное понимание онтологических формаций и их трудного пересечения» (James, 2015, pp. 174-175).

Таким образом, фронтальное мировоззрение исходит из презумпции о нестабильности процессов и своеобразной онтологии различий, которую можно описать с помощью трех моментов.

1) Другой – реализация возможных различий, а потому допустимо его сосуществование с Я.

2) Стратификация является условной, а идентификационные модели вторичны по отношению к системе социальных связей, мобильны и представляют собой многоуровневую структуру, в которой в центре находится Я как точка пересечения.

Согласования этих моделей происходит в силу:

- физических (объективных, телесных) условий и ограничений;
- комплекса моделей, задаваемых ближайшим окружением Я (семьей), формирующим трансгенеративность субъекта;
- кругов общения (коммуникативной среды);
- социальной группы, которой принадлежит субъект,
- политических конструктов (наиболее абстрактный уровень).

3) Условная иерархия стереотипов, предрассудков, состоящая по аналогии с рефлексам из безусловных (не рационализируемых) и условных (нуждающихся в рациональных обоснованиях), делающих функционирование субъекта в социуме не только возможным, но и эффективным.

Фронтирная онтология различий лежит в основе современных ключевых политических практик, начиная с освободительных дискурсов (постколониального, феминистского, квир и других) и заканчивая политикой меньшинства (minority policy), лежащей в основе представления о глобальном мире и миропорядке после Вестфальского мира (Deets, 2006; Krasner, 2001).

Фронтирное мировоззрение – оптика для того, чтобы видеть пространство открытым. А также онтология различий, которая является основанием для интерпретации нового типа фронтирного освоения территорий, где в качестве фронтирмена выступает мигрант, а границы представляются как «текучие» (liquid), правда, без упоминания фронтирных источников такого понимания (Мораña, 2021).

Если сравнить фронтирное мировоззрение нового типа (американца), по представлению Ф.Дж. Тернера и современное (как онтологию различий), мы вряд ли сможем найти особые точки пересечений. Но именно эта современная модель включает в себя вероятность существования различных индивидуальных и коллективных субъектов, способных софункционировать различным акторам, как людям, так и не-человекам, и допускает существование субъектов со стабильной идентичностью и затвердевшими границами как одного из возможных Других.

Список литературы

- Amilhat-Szary, A.-L. (2020). *Géopolitique des frontières: Découper la terre, imposer une vision du monde [Geopolitics of borders: dividing the earth, imposing a vision of the world]*. Paris: Le Cavalier Bleu. (In French).
- Berman, W. C. (1994). *America's right turn: From Nixon to Bush*. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press.
- Bialasiewicz, L. (2009). Europe as/at the border: Trieste and the meaning of Europe. *Social & Cultural Geography*, 10(3), 319–336. doi: 10.1080/14649360902756655
- Biller, P. (2003). *The measure of multitude: Population in medieval thought*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Billington, R. A. (1958). How the frontier shaped the American character. *American Heritage Magazine*, 9(3), 4–12.
- Billington, R. A. (1973). *Frederick Jackson Turner: Historian, scholar, teacher*. Ray Allen Billington. New York: Oxford University Press.
- Bodin, J. (1955). *Six Books of the Commonwealth ... Abridged and translated by M.J. Tooley*. Oxford: Basil Blackwell.

- Bold, C. (2013). *The Frontier club popular westerns and cultural power, 1880-1924*. New York: Oxford University Press.
- Brah, A. (1996). Diaspora, Border, and Transnational Identities. In *Cartographies of diaspora contesting identities*. London: Routledge.
- Cliff, N. (2011). *Holy war: How Vasco da Gama's epic voyages turned the tide in a centuries-old clash of civilizations*. New York: Harper.
- Crowley, R. (2005). *1453: The holy war for Constantinople and the clash of Islam and the West*. New York: Hyperion.
- Deets, S. (2006). Pulling Back from Neo-Medievalism: The Domestic and International Politics of the Hungarian Status Law. *Slavic Eurasian Studies*, (9), 17–36.
- Etulain, R. W. (1999). *Telling Western stories: From Buffalo Bill to Larry McMurtry*. Albuquerque: University of New Mexico Press.
- Ferguson, T., & Rogers, J. (1986). *Right turn. The Decline of the Democrats and the Future of American Politics*. New York: Hill and Wang.
- Graebner, N. D. (Ed.). (1963). *The cold war.: Ideological conflict of power struggle*. Boston: Heath and Co.
- Heyne, E. (1992). *Desert, garden, margin, range: Literature on the American frontier*. New York; Toronto; New York: Twayne Publishers; Maxwell Macmillan Canada; Maxwell Macmillan International.
- Hoy, B. (2021). *A line of blood and dirt: Creating the Canada-United States border across indigenous lands*. Oxford: Oxford University Press.
- James, P. (2015). Despite the Terrors of Typologies. *Interventions*, 17(2), 174–195. doi: 10.1080/1369801X.2014.993332
- Johnson, J. T. (1997). *The holy war idea in western and Islamic traditions*. Pennsylvania State University Press.
- Jones, K. (1989). *Right turn: The conservative revolution in education*. London: Hutchinson radius.
- Jones, R. (2021). *White Borders. The History of Race and Immigration in the United States from Chinese Exclusion to the Border Wall*. Beacon Press.
- Krasner, S. D. (2001). Abiding Sovereignty. *International Political Science Review*, 22(3), 229–251. doi: 10.1177/0192512101223002
- Moraña, M. (2021). *Liquid borders: Migration as resistance*. Routledge.
- Mühling, C. (2018). *Die europäische Debatte über den Religionskrieg (1679-1714). Konfessionelle Memoria und internationale Politik im Zeit-alter Ludwigs XIV [The European Debate on the War of Religion (1679-1714). Confessional Memoria and International Politics in the Age of Louis XIV]*. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht (In German).
- Murdoch, D. H. (2001). *The American West: The invention of a myth*. Reno: University of Nevada Press.
- Nelson, A. P. (2015). *Still in the saddle: The Hollywood western, 1969-1980*. Norman: University of Oklahoma Press.

- Phillips, A. (2010). *War, Religion and Empire. The Transformation of International Orders*. Cambridge University Press.
- Rothenberg, G. E. (1988). The Origins, Causes, and Extension of the Wars of the French Revolution and Napoleon. *The Journal of Interdisciplinary History*, 18(4), 771–793. doi: 10.2307/204824
- Russell, J. C. (1972). Population in Europe. In C. M. Cipolla, *The Fontana economic history of Europe* (pp. 25–70). Glasgow: Collins.
- Schneid, F. C. (2011). *The French Revolutionary and Napoleonic Wars*. Mainz: Institute of European History. Retrieved from <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0159-20101025334>
- Sharova, V. (2016). Right turn in the European politics: Accident or regularity? *The Scientific Heritage*, 2(5), 38–41.
- Simmel, G. (1908). *Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung [Sociology: Studies on the forms of socialization]*. Berlin: Duncker & Humblot. (In German). Retrieved from <http://site.ebrary.com/id/10906592>
- Slotkin, R. (1973). *Regeneration through violence: The mythology of the American frontier, 1600-1860*. Middletown: Wesleyan University Press.
- Slotkin, R. (1992). *Gunfighter nation: The myth of the frontier in twentieth-century America*. New York: Atheneum.
- Stoeltje, B. J. (1987). Making the Frontier Myth: Folklore Process in a Modern Nation. *Western Folklore*, 46(4), 235–253. doi: 10.2307/1499887
- Weiss, J. T. (2001). The Gender Caste System: Identity, Privacy, and Heteronormativity. *Law & Sexuality*, 10, 123–186.
- Wilson, P. H. (2011). *The Thirty Years War: Europe's tragedy*. London: Belknap Press. Retrieved from <http://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true&scope=site&db=nlebk&db=nlabk&AN=2361194>
- Zendrowski, J. (2003). Borders of Europe—Borders in Europe. *The Polish Foreign Affairs Digest*, (2 (7)), 39–49.
- Абрамов, С. В. (2019). Идеализация будущего как разновидность антиципативной аберрации. *Вестник Адыгейского Государственного Университета. Серия 1: Регионоведение: Философия, История, Социология, Юриспруденция, Политология, Культурология*, (1), 53–59.
- Акимов, Ю. Г. (2010). *Северная Америка и Сибирь в конце XVI - середине XVIII в. Очерк сравнительной истории колонизаций*. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та.
- Артизов, А. Н. (Ред.). (2008). «Очистим Россию надолго...» *Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921—Начало 1923 г.: Документы*. Москва: Международный Фонд «Демократия»: Материк.
- Бартлетт, Р. (2007). *Становление Европы: Экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры (950—1350 гг.)*. Москва: РОССПЭН.
- Бауман, З. (2005). *Индивидуализированное общество*. Москва: «Логос».

- Бахтин, М. М. (2002). Проблемы поэтики Достоевского. В М. М. Бахтин, *Собрание сочинений в семи томах* (Т. 6). Москва: Русские словари; Языки русской культуры.
- Белова, О. В. (2005). *Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции*. Москва: Индрик.
- Боянич, П. (2019). О естественных границах и культурных войнах: Выживание группы мигрантов/беженцев, или Вдохновляет ли нас еще Фихте? *Неприкосновенный Запас*, 123(1), 97–106.
- Бычков, О. В. (2002). К проблеме «эстетики Августина»: О пределах интерпретации средневековых текстов. В *Августин: Pro et contra: Антология* (с. 807–821). Санкт-Петербург: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института.
- Василий Великий. (1972). Вторая беседа о человеке святого Василия Великого, архиепископа Кесарийского. *Журнал Московской Патриархии*, 3, 33–40.
- Вебер, М. (1990). Основные социологические понятия. В М. Вебер, *Избранные произведения* (с. 602–644). Москва: Прогресс.
- Дюллен, С. (2019). *Уплотнение границ К истокам советской политики. 1920–1940-е*. Москва: Новое Литературное Обозрение.
- Жилин, В. И. (2016). Принцип партийности философии: Деформации и трансформации. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика*, 16(1). doi: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-65-72
- Зубкова, О. С. (2010). Медицинская метафора и медицинская метафора термин в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование). *Знание. Понимание. Умение*, (1), 140–145.
- Иларион Киевский. (1997). Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона. В *Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII века* (с. 26–61). Санкт-Петербург: Наука.
- Копривица, Ч. Д. (2019). Синдром идентичности глубокого приграничья. Приложения к пониманию Краины. *Журнал Фронтирных Исследований*, (4.2), 257–295. doi: 10.24411/2500-0225-2019-10 036
- Краснова, И. А. (2018). *Флорентийское общество во второй половине XIII–XIV в.: Гранды и попопаны, «добрые» купцы и рыцари*. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив.
- Макаров, В. Г., & Христофоров, В. С. (Ред.). (2005). *Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923*. Москва: Русский путь.
- Малинов, А. В., & Троицкий, С. А. (2013). Русская философия под запретом (к 90-летию «философского парохода»). *Новое Литературное Обозрение*, (1 (119)), 53–66.
- Маневская, Д. А. (2000). Некоторые вопросы американской концепции прав и свобод граждан. Генезис и развитие. *Белорусский журнал международного права и международных отношений*, (3), 14–18.

- Мосолкина, Т. В. (2017). *Социальная история Англии XIV–XVII вв.* Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив.
- Нисский, Г. (1861). О Шестодневе. Слово защитительное брату Петру. В *Творения Святых Отцев, в русском переводе, издаваемые при Московской Духовной Академии. Т. 37. Творения Святаго Григория Нисскаго. Ч.1.* (с. 1–75). Москва: Типография В. Готы.
- Сталин, И. В. (2004). Письмо Л.М. Кагановичу. 11 августа 1932 года. В И. В. Сталин, *Сочинения* (Т. 17, сс. 571–573). Тверь: Научно-издательская компания «Северная корона».
- Тёрнер, Ф. Дж. (2009). *Фронтир в американской истории.* Москва: Издательство «Весь Мир».
- Тынянов, Ю. Н. (1977). Достоевский и Гоголь (К теории пародии). В Ю. Н. Тынянов, *Поэтика. История литературы. Кино* (с. 198–226). Москва: Наука.
- Ульрих, П., & Троицкий, С. (2019). Сложность «границ»: Постановка проблемы, терминология и классификация. *Журнал Фронтирных Исследований*, (4.2), 234–256. doi: 10.24411/2500-0225-2019-10035
- Фихте, И. Г. (1993). Замкнутое торговое государство. В И. Г. Фихте, *Сочинения: В 2 томах. Том 2* (с. 225–358). Санкт-Петербург: Мифрил.
- Форрест, А. (1998). Французские солдаты и распространение революции в Европе. В *Исторические этюды о Французской революции. Памяти В. М. Далина (К 95-летию со дня рождения)* (с. 169–177). Москва: ИВИ РАН.
- Хайдеггер, М. (2020). Строительство Жительствование Мышление (Д. А. Колесникова, Пер.). *Журнал Фронтирных Исследований*, 5(1), 157–173. doi: 10.46539/jfs.2020.1.157173
- Цыганков, П. А. (2016). Теория международных отношений: Внешние вызовы и российское понимание своего пути. *Вестник Поволжского Института Управления*, (6 (57)), 79–85.
- Яковлева, Л. И. (2018). Французская Декларация прав человека и гражданина 1789 года: История принятия, предпосылки, уроки. *Вестник Московского Университета. Серия 7: Философия*, (3), 67–84.
- Якушенкова, О. С. (2012). *Женщина на американском фронтире.* Астрахань: АГУ.

References

- Abramov, S. V. (2019). Idealization of the Future as a variant of anticipative aberration. *Bulletin of Adyge State University*, (1), 53–59. (In Russian).
- Akimov, Y. G. (2010). *North America and Siberia in the late XVI-mid XVIII century. An essay on the comparative history of colonization.* Saint-Petersburg: Publishing house of the Saint-Petersburg University. (In Russian).

- Amilhat-Szary, A.-L. (2020). *Géopolitique des frontières: Découper la terre, imposer une vision du monde [Geopolitics of borders: dividing the earth, imposing a vision of the world]*. Paris: Le Cavalier Bleu. (In French).
- Artizov, A. N. (Ed.). (2008). "We will purify Russia for a long time..." *Repression against dissidents. The end of 1921 — the beginning of 1923: Documents*. Moscow: International Foundation "Democracy»: The mainland. (In Russian).
- Bakhtin, M. M. (2002). Problems of Dostoevsky's poetics. In M. M. Bakhtin, *Collected works* (Vol. 6). Moscow: Russian Dictionaries; Languages of Russian Culture. (In Russian).
- Bartlett, R. (2007). *The Making of Europe. Conquest, Colonization and Cultural Change 950-1350*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Bauman, Z. (2005). *Individualized Society*. Moscow: Logos. (In Russian).
- Belova, O. V. (2005). *Ethnocultural stereotypes in the Slavic folk Tradition*. Moscow: Indrik. (In Russian).
- Berman, W. C. (1994). *America's right turn: From Nixon to Bush*. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press.
- Bialasiewicz, L. (2009). Europe as/at the border: Trieste and the meaning of Europe. *Social & Cultural Geography*, 10(3), 319–336. doi: 10.1080/14649360902756655
- Biller, P. (2003). *The measure of multitude: Population in medieval thought*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Billington, R. A. (1958). How the frontier shaped the American character. *American Heritage Magazine*, 9(3), 4–12.
- Billington, R. A. (1973). *Frederick Jackson Turner: Historian, scholar, teacher. Ray Allen Billington*. New York: Oxford University Press.
- Bodin, J. (1955). *Six Books of the Commonwealth ... Abridged and translated by M.J. Tooley*. Oxford: Basil Blackwell.
- Bojanic, P. (2019). On Natural Borders and Culture Wars (Survival of the Group of Migrants or Refugees) Is Fichte still Our Inspiration? *NZ*, 123(1), 97–106. (In Russian).
- Bold, C. (2013). *The Frontier club popular westerns and cultural power, 1880-1924*. New York: Oxford University Press.
- Brah, A. (1996). Diaspora, Border, and Transnational Identities. In *Cartographies of diaspora contesting identities*. London: Routledge.
- Bychkov, O. V. (2002). On the problem of "Augustine's Aesthetics": on the limits of interpretation of Medieval texts. In *Augustine: pro et contra: antology* (pp. 807–821). Saint Petersburg: Publishing House of Russian Christian Humanitarian institute. (In Russian).
- Cliff, N. (2011). *Holy war: How Vasco da Gama's epic voyages turned the tide in a centuries-old clash of civilizations*. New York: Harper.
- Crowley, R. (2005). *1453: The holy war for Constantinople and the clash of Islam and the West*. New York: HyperionHyperion.

- Deets, S. (2006). Pulling Back from Neo-Medievalism: The Domestic and International Politics of the Hungarian Status Law. *Slavic Eurasian Studies*, (9), 17–36.
- Dullin, S. (2019). *Solidifying borders. To the Origins of Soviet Politics. 1920s-1940s*. Moscow: New Literary Observer. (In Russian).
- Etulain, R. W. (1999). *Telling Western stories: From Buffalo Bill to Larry McMurtry*. Albuquerque: University of New Mexico Press.
- Ferguson, T., & Rogers, J. (1986). *Right turn. The Decline of the Democrats and the Future of American Politics*. New York: Hill and Wang.
- Fichte, J. G. (1993). The Closed Commercial State. In J. G. Fichte, *Works in 2 volumes. Vol 2*. (pp. 225–358). Saint Petersburg: Mifril. (In Russian).
- Forrest, A. (1998). French soldiers and the spread of the Revolution in Europe. In *Historical sketches of the French Revolution. In memory of V. M. Dalin (On the 95th anniversary of his birth)* (pp. 169–177). Moscow: IWH RAS. (In Russian).
- Graebner, N. D. (Ed.). (1963). *The cold war.: Ideological conflict of power struggle*. Boston: Heath and Co.
- Gregory of Nyssa (1861). On the Hexameron. A word of protection to Brother Peter. In *The Works of the Holy Fathers, in Russian translation, published at the Moscow Theological Academy. Vol. 37. The Works of St. Gregory of Nyssa. Part 1*. (pp. 1–75). Moscow: V.-Gota's Printing house. (In Russian).
- Heidegger, M. (2020). Building, Dwelling, Thinking (D. A. Kolesnikova, Trans.). *Journal of Frontier Studies*, 5(1), 157–173. doi: 10.46539/jfs.2020.1.157173 (In Russian).
- Heyne, E. (1992). *Desert, garden, margin, range: Literature on the American frontier*. New York; Toronto; New York: Twayne Publishers; Maxwell Macmillan Canada; Maxwell Macmillan International.
- Hoy, B. (2021). *A line of blood and dirt: Creating the Canada-United States border across indigenous lands*. Oxford: Oxford University Press.
- Illarion of Kiev. (1997). Sermon on Law and Grace by Hilarion of Kiev. In *Library of literature of Ancient Russia. Vol. 1: 11-12th centuries* (pp. 26–61). Saint Petersburg: Nauka. (In Russian).
- Jakovleva L. I. (2018). French Declaration of the Rights of Man and the Citizen of 1789: History of adoption, conditions, lessons. *Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy*, (3), 67–84. (In Russian).
- James, P. (2015). Despite the Terrors of Typologies. *Interventions*, 17(2), 174–195. doi: 10.1080/1369801X.2014.993332
- Johnson, J. T. (1997). *The holy war idea in western and Islamic traditions*. Pennsylvania State University Press.
- Jones, K. (1989). *Right turn: The conservative revolution in education*. London: Hutchinson radius.
- Jones, R. (2021). *White Borders. The History of Race and Immigration in the United States from Chinese Exclusion to the Border Wall*. Beacon Press.

- Koprivitsa, Ch. D. (2019). The Syndrom of Deep Borderland's Identitites. Contributions for Understanding of Krajina. *Journal of Frontier Studies*, (4.2), 257–295. doi: 10.24411/2500-0225-2019-10 036 (In Russian).
- Krasner, S. D. (2001). Abiding Sovereignty. *International Political Science Review*, 22(3), 229–251. doi: 10.1177/0 192 512 101 223 002
- Krasnova, I. A. (2018). *Florentine society in the second half of the 13-14th centuries: grandees and popolans, "good" merchants and knights*. Moscow; Saint Petersburg: Centre of humanitarian initiatives. (In Russian).
- Makarov, V. G., & Khristoforov, V. S. (Eds.). (2005). *Expulsion instead of execution: The deportation of the intelligentsia in the documents of the Cheka-GPU. 1921–1923*. Moscow: Russian way. (In Russian).
- Malinov, A. V., & Troitsky, S. A. (2013). Russian philosophy is banned (for the 90th anniversary of the "philosophical passage"). *New Literary Observer*, (1 (119)), 53–66. (In Russian).
- Manevskaya, D. A. (2000). Some questions of the American concept of rights and freedoms of citizens. Genesis and development. *Belarusian Journal of International Law and International Relations*, (3), 14–18. (In Russian).
- Moraña, M. (2021). *Liquid borders: Migration as resistance*. Routledge.
- Mosolkina, T. V. (2017). *Social History of England, 14-17th centuries*. Moscow; Saint Petersburg: Centre of humanitarian initiatives. (In Russian).
- Mühling, C. (2018). *Die europäische Debatte über den Religionskrieg (1679-1714). Konfessionelle Memoria und internationale Politik im Zeit-alter Ludwigs XIV [The European Debate on the War of Religion (1679-1714). Confessional Memoria and International Politics in the Age of Louis XIV]*. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht (In German).
- Murdoch, D. H. (2001). *The American West: The invention of a myth*. Reno: University of Nevada Press.
- Nelson, A. P. (2015). *Still in the saddle: The Hollywood western, 1969-1980*. Norman: University of Oklahoma Press.
- Phillips, A. (2010). *War, Religion and Empire. The Transformation of International Orders*. Cambridge University Press.
- Rothenberg, G. E. (1988). The Origins, Causes, and Extension of the Wars of the French Revolution and Napoleon. *The Journal of Interdisciplinary History*, 18(4), 771–793. doi: 10.2307/204 824
- Russell, J. C. (1972). Population in Europe. In C. M. Cipolla, *The Fontana economic history of Europe* (pp. 25–70). Glasgow: Collins.
- Saint Basil the Great. (1972). The second conversation about the man of St. Basil the Great, Archbishop of Caesarea. *Journal of the Moscow Patriarchate*, 3, 33–40. (In Russian).
- Schneid, F. C. (2011). *The French Revolutionary and Napoleonic Wars*. Mainz: Institute of European History. Retrieved from <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0159-20 101 025 334>

- Sharova, V. (2016). Right turn in the European politics: Accident or regularity? *The Scientific Heritage*, 2(5), 38–41.
- Simmel, G. (1908). *Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung [Sociology: Studies on the forms of socialization]*. Berlin: Duncker & Humblot. (In German). Retrieved from <http://site.ebrary.com/id/10906592>
- Slotkin, R. (1973). *Regeneration through violence: The mythology of the American frontier, 1600-1860*. Middletown: Wesleyan University Press.
- Slotkin, R. (1992). *Gunfighter nation: The myth of the frontier in twentieth-century America*. New York: Atheneum.
- Stalin, I. V. (2004). The Letter to L.M. Kaganovich. August 11, 1932. In I. V. Stalin, *Works* (Vol. 17, pp. 571–573). Tver: Research and publishing company “Severnaya Korona”. (In Russian).
- Stoeltje, B. J. (1987). Making the Frontier Myth: Folklore Process in a Modern Nation. *Western Folklore*, 46(4), 235–253. doi: 10.2307/1499887
- Tsygankov, P. A. (2016). Theory of International Relations: External Challenges and Russia's Understanding of Its Own Path. *Bulletin of the Volga Region Institute of Management*, 6 (57), 79–85. (In Russian).
- Turner, F. J. (2009). *The Frontier in American History*. Moscow: Publishing House “Ves’ Mir”. (In Russian).
- Tynyanov, Y. N. (1977). Dostoevsky and Gogol (Towards a Theory of Parody). In Y. N.-Tynyanov, *Poetics. History of literature. Cinema* (pp. 198–226). Moscow: Nauka. (In Russian).
- Ulrich, P., & Troitskiy, S. (2019). The Complexity of «Borders»: Research Agendas, Terminology and Classification. *Journal of Frontier Studies*, (4.2), 234–256. doi: 10.24411/2500-0225-2019-10035 (In Russian).
- Weber, M. (1990). Basic concepts in Sociology. In M. Weber, *Selected Works* (pp. 602–644). Moscow: Progress. (In Russian).
- Weiss, J. T. (2001). The Gender Caste System: Identity, Privacy, and Heteronormativity. *Law & Sexuality*, 10, 123–186.
- Wilson, P. H. (2011). *The Thirty Years War: Europe's tragedy*. London: Belknap Press. Retrieved from <http://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true&scope=site&db=nlebk&db=nlabk&AN=2361194>
- Yakushenkova, O. S. (2012). *Woman on the American Frontier*. Astrakhan: ASU. (In Russian).
- Zendrowski, J. (2003). Borders of Europe—Borders in Europe. *The Polish Foreign Affairs Digest*, (2 (7)), 39–49.
- Zhilin, V. I. (2016). Principle of Party Membership of Philosophy: Deformations and Transformations. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. New series. Filo-sofia series. Psychology. Pedagogy*, 16(1). doi: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-65-72 (In Russian).
- Zubkova, O. S. (2010). Medical Metaphor and Medical Metaphor — Term in an Individual Lexicon (Experimental Research). *Knowledge. Understanding. Skills*, (1), 140–145. (In Russian).